

О НОВОМ ИКОНОПИСНОМ ПОДЛИННИКЕ В ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ ЛАИ УРФУ И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЕ

Белобородов С. А. (ЛАИ УрФУ)

Одним из важнейших вопросов, над решением которого в последние годы усиленно трудятся исследователи, занимающиеся изучением уральского иконописания, является установление имен и реконструкция биографий иконописцев, работавших на Урале в XVIII – начале XX вв. Благодаря работам Ю. А. и Н. А. Гончаровых [6], В. И. Байдина, [1], автора настоящей статьи [3] и других ученых теперь нам известно о нескольких десятках уральских мастеров-иконников. Пополнять этот список с каждым годом становится все сложнее. В этой связи, особый интерес вызывают любые материалы, которые помогают «открыть» новые, еще не звучавшие ранее имена.

В конце 2006 г. уральским археографам представилась возможность получить для копирования Иконописный подлинник, хранящийся в одном из частных собраний Екатеринбурга. По нижнему полю рукописи на листах 13-148 читается следующий текст: «Сия книга, глаголемая Подленник, принадлежит Мстерской слободы крестьянину Александру Васильеву Сенькову, а писал его Александр Сеньков сам своею рукою, холост, семнадцати лет, то есть сего тысяча восемьсот [сорок] второго года месяца октября. Она сия книга Подленник писать по канону».

Безусловно, наличие на книге, которая была основным справочником для любого профессионального иконописца, владельческой записи, свидетельствующей, что этот, тогда еще абсолютно неизвестный нам человек, был связан с одним из самых знаменитых центров иконного писания России XIX в. вызвало определенный интерес. Вскоре выяснилось, что судьба А. В. Сенькова самым тесным образом переплелась с Уралом: он прожил здесь несколько десятилетий, продолжая заниматься живописью и писанием икон, хотя основным его занятием стало изготовление на заказ вывесок. Некоторое время он даже руководил деятельностью екатеринбургского цеха живописно-малярного ремесла. Кроме того, Александр Сеньков занимался обучением молодых живописцев и оставил после себя достойных учеников, среди которых, например, известный уральский мастер Н. В. Зубрицкий.

Приведенные факты, а также некоторые другие соображения подтолкнули нас обратить более пристальное внимание и на рукопись и, конечно же, на личность самого А. В. Сенькова. В свое время известный историк архитектуры, хорошо знавший Владимирскую землю, А. А. Тиц написал, что «История рода Сеньковых могла бы послужить темой для исторического романа. Выходцы из Вышнего Волочка, Сеньковы в беспокойные годы начала XVII века покинули насиженные места и после утомительных скитаний осели в тихом Богоявленском погосте – так именовалось тогда будущее село Мстера. В ряде описей, скаречно точно выявлявших тягловые души, начиная с 1628 года, встречаются Пахомка да Ивашка Сеньковы» [10, с. 42-43.].

В XIX в. многие представители разветвленного рода Сеньковых связывали свою судьбу с ремеслом, которое в то время стало «градообразующим» занятием жителей Богоявленской слободы, более известной как Мстера – иконописным промыслом. Точное количество людей, занимавшихся в Мстере в первой половине XIX в. иконописью, установить почти невозможно. И. А. Голышев приводил данные начала 1860-х гг., что из 1183 жителей Мстеры мужского пола (в число которых входили 5 купцов, 11 отставных нижних чинов и 1167 крестьян) иконописным ремеслом занимались 449 человек (т.е. около 38%). Правда, в примечании он отметил, что посчитаны только «старшие домохозяева, главы семейств» [5]. На самом же деле, численность мстерских иконописцев, скорее всего, была значительно больше.

О мстерской иконописи издано множество работ. Для нашей заметки определенный интерес представляют несколько положений, рассмотренных в диссертации

В. В. Баранова, которую можно назвать новейшими и самым интересным исследованием, существенно изменившим современные представления о мстерском иконописании.

– Искусство иконников Богоявленской слободы Мстеры, как одного из крупнейших центров старообрядческого иконописания, имело оригинальные особенности. Иконопись региона (Палеха, Мстеры и Холуя) называли «суздальской» потому, что до учреждения губерний (1778 г.) они находились в Суздальской епархии. «Суздальский» иконный промысел XVII – начала XX вв. не имел прямого отношения к древней владимиросуздальской иконописной школе.

– Иконописный промысел Мстеры зародился не в XVII веке, как было принято считать ранее, а лишь в начале XVIII столетия.

– Заимствовали мстеричи иконное ремесло, судя по всему, у жителей расположенного неподалеку Холуя. В свою очередь появление иконного промысла Холуя и Шуи связано с тем, что эти населенные пункты относились к подворьям Троице-Сергиевой лавры.

– Иконописный промысел Богоявленской слободы Мстеры стал бурно развиваться по ряду объективных причин лишь с середины XIX века.

– Оригинальной составляющей мстерского иконного промысла была так называемая «старинная» иконопись, то есть ремесло поддельщиков. Современники считали мстеричей практически единственными специалистами в изготовлении иконных «контрафакций» [2, с. 10-11].

Отмеченное выше интенсивное развитие иконописного промысла в Мстере во второй четверти XIX в., значительное увеличение числа мастеров и, как следствие, возросшая конкуренция между ними приводили к тому, что некоторым начинающим иконописцам приходилось искать лучшей доли «на стороне». Без большой натяжки можно предположить, что именно эти факторы и сказались на решении Александра Сенькова, которому едва минуло 20 лет, покинуть родину и перебраться на Урал.

Произошло это событие, скорее всего, либо в конце 1840-х, либо в начале 1850-х гг. Однако и на горнозаводском Урале в те годы трудилось немало иконников, как местных, так и приезжих (в основном из районов подмосковных Гуслиц и Вязниковского уезда¹). Поэтому А. В. Сенькову пришлось осваивать новую профессию – мастерство изготовления вывесок.

История наружной рекламы в Екатеринбурге еще не становилась объектом исследований. Столкнувшись с отсутствием не только обобщающих, но и вообще любых работ по этой проблематике, пришлось собирать материал «по крупицам», обратившись, прежде всего, к свидетельствам современников. Правда, выяснилось, что и в этих источниках о екатеринбургских вывесках середины XIX в. встречаются единичные упоминания.

Так, например, в 1851 г. в городе побывал известный в свое время писатель и журналист Е. А. Вердеревский, который в своих путевых заметках отмечал, что почти сразу после пересечения границы Екатеринбурга приезжие встречались с незатейливой наружной рекламой: «я ехал вдоль бульвара, мимо небольших, но хорошеньких домиков, между которыми чаще всего встречается надпись: «резчик печатей», или «продажа каменных вещей и печатей» [4, с. 32].

Совсем немного информации удалось также получить, обратившись к изображениям города того времени. Но, при этом, очевидно, что спрос на изготовление вывесок в Екатеринбурге во второй половине XIX в. был весьма стабильным. Если в 1873 г. по данным статистики, в городе насчитывалось 18 живописцев (в том числе и тех, кто рисовал вывески) [9, с. 64], то и через десять лет их было ровно столько же [9, с. 646-647].

По всей видимости, А. В. Сеньков достиг в своей профессии высокого уровня. Это косвенно подтверждается тем, что в конце 1850-х – начале 1860-х гг. у него не только

---

¹ См. об этом, например, Белобородов С. А. Очерк по истории уральского иконописания / С. А. Белобородов // «Писан бысть сей святыи образ в Невьянском заводе». Альбом-каталог частной коллекции В. В. Маслакова. – Екатеринбург, 2011. – Т. 1. – С. 46-60.

было много заказчиков, но появились и ученики. Одним из таких учеников стал Коля Зубрицкий.

В мае 1862 г. кричный мастер Верх-Исетского завода Василий Иванович Зубрицкий привел к Сенькову учиться 16-летнего сына. Условились, и спустя пару дней подписали договор. Николай оставался в чужой семье на пять лет без права ухода и без оплаты труда. Договор обязывал мастера «заботиться о научении подростка живописному мастерству, обходиться человеколюбивым и кротким образом, без вины не наказывать, защищать от обид со стороны подмастерьев и работников. По окончании срока выдать свидетельство в приобретенных по мастерству познаниях, а так же и в поведении». В случае болезни юноша был обязан после выздоровления отработать пропущенное время день за день. Непослушание, лень, грубые выходки предполагали «полное право взыскать домашним исправлением по мере сделанной вины», то есть телесные наказания [8].

В 1867 г. Н. Зубрицкий закончил обучение, но еще более двух лет работал у Сенькова по найму с жалованием 10 рублей в месяц. С 1869 г. он получил возможность трудиться самостоятельно. В августе 1871 г. Николай Зубрицкий открыл собственную мастерскую по изготовлению вывесок и занимался этим ремеслом свыше 40 лет.

Следует отметить, что в конце XIX – начале XX вв. Н. В. Зубрицкий был, пожалуй, самым успешным мастером наружной рекламы в Екатеринбурге, о чем свидетельствуют полученные им награды:

– серебряная медаль Общества содействия русской промышленности и торговли на Сибирско-Уральской выставке 1887 г.;

– диплом Северной промышленно-сельскохозяйственной и художественной выставки (Копенгаген, 1888 г.);

– малая серебряная медаль Казанской научно-промышленной выставки 1890 г.;

– памятная медаль Всероссийской промышленной выставки 1890 г.;

– похвальный отзыв на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.

В конце концов, Н. В. Зубрицкий стал потомственным почетным гражданином Екатеринбурга (за свою деятельность по улучшению облика города и большую общественную работу – с 1902 г. он избирался гласным Городской думы).

Однако вернемся к нашему главному герою. Александр Васильевич Сеньков не был удостоен столь большого количества наград, но, очевидно, что он был признанным мастером. Не случайно в 1865 г. его избрали главой екатеринбургской цеховой организации живописного и малярного ремесла. Примечательно, что свою основную работу он совмещал с занятиями иконописанием. На страницах его Иконописного подлинника встречаются упоминания о том, что иконы ему заказывали не только в горной столице, но и в других населенных пунктах Урала, например, Нижнем Тагиле, или на станции Гороблагодатская. Несколько раз в качестве заказчика упоминается имя некоего Матвея Андреевича. Не исключено, что этот покупатель – обычный перекупщик. Дело в том, что именно по такому принципу работало значительное число иконописцев-ремесленников.

Последние записи на страницах Подлинника датированы декабрем 1884 г. Можно предположить, что вскоре А. В. Сенькова не стало. Во всяком случае, в справочнике «Город Екатеринбург», опубликованном в 1889 г., в котором зафиксированы не только все домовладельцы, но и ремесленники, упоминается лишь мещанская вдова Александра Михайловна Сенькова, содержащая в своем домовладении постоянный двор и проживавшая на Госпитальной улице [7, с. 316.].

Завершить наш рассказ мы бы хотели с «информационного повода» нашей заметки, которым выступил упоминавшийся ранее Иконописный подлинник. Необходимо отметить, что не только наличие пространной владельческой записи, позволившей нам обратиться к судьбе еще одного уральского иконописца А. В. Сенькова, делает эту рукопись чрезвычайно интересной для исследователей. Дело в том, что в отличие от всех

остальных Подлинников, которыми располагает Дрвлекранилище ЛАИ УрФУ, этот – лицевой.

Изображения, находящиеся в нем, можно условно разделить на три категории: 1. миниатюрные литографии богородичных икон, аккуратно вырезанные из настенного листа и вклеенные рядом с соответствующими описаниями этих образов; 2. живописные рисунки пером и красками отдельных святых, деталей церковных одеяний, элементов декора и т.п., выполненные, несомненно, самим А. В. Сеньковым в годы его ученичества; 3. наконец, наклеенные на крышки переплета различные печатные картинки, изображающие, например, оленя или льва, которые должны были служить образцами при выполнении живописных или иконописных работ.

Наличие подобных иллюстраций (особенно относящихся ко второй категории) трудно переоценить: впервые воочию можно увидеть и исследовать, как происходило обучение юного иконописца. В качестве предварительного замечания, отметим, что, очевидно, этот процесс был сложнее, чем то, как описывал его в свое время И. А. Голышев: «Иконники, к сожалению, плохо обучаются в рисовании, а в слободе Мстере рисованию учеников почти не учат вовсе, а как только поступает мальчик, то дают ему писать икону св. евангелиста Иоанна Богослова, которую он повторяет несколько раз, до тех пор, когда привыкнет рука водить по чертам рисунка, а месяцев через 5 он уже делается мастером и пишет иконы на продажу» [5, с. 79].

И еще одно обстоятельство, которое делает сеньковский Иконописный подлинник настоящим уникалом – наличие большого числа дополнительных статей. В рукописи, состоящей из 244 листов, текстом обычного толкового подлинника распространенной редакции заняты лишь первые 162 листа. На остальных (кроме уже упомянутых иллюстраций) мы встречаем выписки из евангельских текстов, молитвы некоторым особо чтимым богородичным иконам, списки праотцев, пророков, апостолов, перечни названий чудотворных богородичных образов, надписи, которые надлежало размещать в свитках у различных святых.

Кроме того, приводится описание редких икон, создававшихся на основе литургических текстов, например, «тропаря Георгию», «канона Димитрию», «тропаря Флору и Лавру».

Однако наибольший интерес вызывают записи, озаглавленные, как Жития разных святых (например, Нифонта, Иоанна Предтечи, Илии, Евстафия Плакиды, Федора Тирона, Макария Египтянина и других, общим числом около 40). По сути, это выборка наиболее ярких эпизодов житий, которые составляли основу сюжетов иконных клейм. Выборочное сравнение нескольких таких росписей клейм с опубликованными уральскими иконами позволяет утверждать, что мстерская традиция изображения житийных икон отличалась от принятой на Урале. Знание этого обстоятельства, в свою очередь, может помочь в атрибуции уральских икон позднего времени.

Литература

1. Байдин В. И. *Заметки об иконописцах-старообрядцах на горных заводах Урала в первой половине – середине XVIII в.: новые имена и новое об известных мастерах / В. И. Байдин // Вестник музея «Невьянская икона». – Екатеринбург, 2002. – Вып. 1. – С. 58-81.*

2. Баранов В. В. *Иконопись Мстеры: история, структура промысла, художественные особенности. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / В. В. Баранов. – М., 2008. – 33 с.*

3. Белобородов С. А. *Очерк по истории уральского иконописания [Текст] / С. А. Белобородов // «Писан бысть сей святой образ в Невьянском заводе». Альбом-каталог частной коллекции В. В. Маслакова. – Екатеринбург, 2011. – Т. 1. – С. 10-84.*

4. Вердеревский Е. А. *От Зауралья до Закавказья: Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги... М., 1857. С. 32.*

5. Гольшев И. А. Богоявленская слобода Мстера / И. А. Гольшев. – Владимир, 1865. – С. 41.
6. Гончаров Ю. А. Мастера и мастерские церковного искусства на Урале XVII – начала XX в. Материалы к словарю / Ю. А. Гончаров, Н. А. Гончарова // Уральская икона. – Екатеринбург, 1998. - С. 253-339.
7. Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу, с адресным указателем и присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. - Екатеринбург, 1889.
8. Девиков Е. И. Мастера [Электронный ресурс] / Е. И. Девиков. – Режим доступа: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=111469&fullscreen=1 Девиков Е. И.
9. Результаты однодневной переписи Екатеринбурга, произведенной 26 марта 1873 г. // Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу... Екатеринбург, 1889.
10. Тиц А. А. По окраинным землям Владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец) / А. А. Тиц. – М., 1969. – 145 с.